

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ В РУССКОМ ПОЗИТИВИЗМЕ. Н. Я. ГРОТ

В. Б. Колмаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2017 г.

Аннотация: *в статье анализируются философские взгляды Н. Я. Грота на ценность жизни. Автор показывает связь пантеизма с имманентным подходом в понимании ценности жизни.*

Ключевые слова: *русский позитивизм, аксиология, ценность жизни, оптимизм, пессимизм, метафизика, пантеизм, Н. Я. Грот.*

Abstract: *the article deals with the philosophical views of the Russian philosopher N. Grot on the value of life. The author shows the relation of pantheism to immanent approach to understanding the value of life.*

Key words: *Russian positivism, axiology, value of life, optimism, pessimism, metaphysics, pantheism, N. Grot.*

Николай Яковлевич Грот (1852–1899), сын знаменитого филолога академика Якова Грота, потомок переселившихся в Россию в XVIII в. выходцев из Голштинии, не был выдающимся философом, подобно В. С. Соловьеву или Н. А. Бердяеву. Он принадлежал к многочисленной когорте русских философов, которые своими трудами создавали интеллектуальный фон, необходимый для появления великих мыслителей. Родился он в Гельсингфорсе, как тогда называли Хельсинки, где его отец служил профессором русской литературы и истории. После окончания гимназии Грот учился на историческом факультете Санкт-Петербургского университета, а затем стажировался в Берлине и Страсбурге. В 1876 г. судьба забросила Грота в Нежин, где он служил профессором в Историко-филологическом институте, а с 1883 по 1886 г. он преподавал в Новороссийском университете. Наконец, в 1886 г. Грота пригласили в Московский университет на должность профессора. Через два года он возглавил Московское психологическое общество. Кроме того, что он был видным ученым, Н. Я. Грот известен своей просветительской деятельностью, как основатель первого в России философского журнала «Вопросы философии и психологии», выходившего с 1889 по 1917 г. Первый биограф Грота писал, что в качестве редактора журнала «Николай Яковлевич как и во всяком другом деле, работал горячо и с беззаветной энергией; ему вообще всегда был по душе организаторский и творческий труд» [1, с. LX].

Автор очерка о философских взглядах Н. Я. Грота П. П. Соколов считал, что в творчестве философа можно выделить три периода: период позитивизма, период метафизического идеализма и период примирения позитивизма и идеализма [2, с. LXVIII]. Иными словами, начало творческого пути Грота отмечено несомненным влиянием позитивной

философии, а затем он пытался переосмыслить позитивизм под влиянием метафизики Платона и Аристотеля. С этим утверждением трудно согласиться, никакого примирения позитивизма и идеализма в работах Грота обнаружить невозможно, его просто не было. На самом деле русский философ всегда оставался позитивистом, сохраняя основные принципы позитивной философии, при этом основой его взглядов являлся пантеизм. Как писал Грот, с самого начала занятий философией он «уже и прежде сочувствовал мировоззрениям пантеистическим, и между пантеистами, в особенности Джордано Бруно и Спинозе...» [3, с. 1]. Историк русской философии В. В. Зеньковский явно преувеличивал, когда отмечал, что «пантеистическая метафизика разрушила у Грота узкий позитивизм» [4, с. 16]. На протяжении всей творческой жизни русский философ придерживался идеи пантеизма, что еще раз подтверждает старую истину о внутреннем единстве и родстве позитивизма и пантеизма. Последний может служить основой различных философских направлений, так как он существует в виде фундаментального принципа организации мира и определяет положение в нем человека. Грот свою позицию называл «синтетический пантеизм» [3, с. 25]¹ и склонялся к идее монодуализма – учения о высшем единстве двойственного бытия, популярном в возникшей примерно в то же время теософии. Монодуализм быстро привел Грота к отождествлению сознания и силы. Если теософы конца XIX – начала XX в., в первую очередь Е. П. Блаватская, отождествляли дух и материю, то Н. Я. Грот ставил знак равенства между сознанием и силой. Он полагал, что дух есть сила, но сила особого рода, непознанная по причине слабой разработанности теории познания [5, с. 41–42]. Сила, по мысли Грота, проявлялась как пассивное начало в материи и как активное в духе. Стремясь совместить несовместимое, философ надеялся создать новое этическое учение «на основе современных естественнонаучных учений о силе, о законе сохранения энергии, о развитии природы» [там же, с. 1]. Нравственные категории он выводил из проявлений активной и пассивной силы. Соперничество материи и духа порождает прогресс, который Грот понимал как порабощение силы материи силой духа. Борьба двух начал, в котором слышны отголоски манихейства, задает и цель прогресса – окончательное освобождение силы духа через порабощение силы материи. Цель бытия и развития Вселенной, по мнению Грота, заключается «в полном освобождении силы духа, но не вне, а в самой материи...» [там же, с. 91].

В начале творческой деятельности Н. Я. Грот исходил из идеи «равноправности» явлений удовольствия и страдания, что соответствовало идее борьбы двух начал или двух сил. Он полагал, что причины наслаждений и страданий следует искать не столько во внешнем мире, сколько в самом человеке, «в самом организме или в сознании», а вне организма можно обнаружить лишь «поводы к переживанию ощущений» [6, с. 860]. Решение проблемы страданий человека он усматривал в

¹ Он полагал, что Вселенная «есть своего рода особый организм, одаренный высшим сознанием» [3, с. 31].

разуме, который найдет «способ точного математического измерения величины удовольствий и страданий» [там же, с. 859]. Задача разума в таком случае заключается в том, чтобы не только найти шкалу для измерения наслаждений и страданий, но и привести их в состояние равновесия, что и будет являться счастьем [там же, с. 867].

Стремление к диалектическому синтезу, свойственное Н. Я. Гроту, отмечал В. С. Соловьев. Великий философ писал, что Грот «развивал каждую точку зрения, на которой останавливался, стараясь сблизить ее и по возможности примирить с другими» [7, с. 386]. Развитие идей Грота как попытки соединения пантеизма с метафизикой Платона и Аристотеля, различающихся к тому же принципиально, Соловьев обозначал как «прогресс вглубь и вверх» [там же, с. 388]. С этим сложно согласиться хотя бы потому, что позитивизм и метафизика исключают друг друга, а пантеизм превращает метафизику в набор философских банальностей. Соловьев писал так потому, что ему импонировала идея Грота об эволюции как процесса одухотворения материального бытия и достижения «формы бытия духовного..., бытия бессмертного и нетленного» [там же, с. 391]. В целом философская позиция Грота эклектична, что предопределило его понимание метафизики. На протяжении длительного времени оно оставалось аморфным или, скорее, противоречивым. Так, будучи в Одессе, он утверждал, что «позитивизм допускает идею Бога, абсолютную истину, благо и красоту как принципы внутреннего строения Вселенной» [5, с. 12].

Грот стремился привить позитивизму метафизику, без которой тот казался ему неполным. Догадавшись в дальнейшем, что замысел его обречен на неудачу, через несколько лет он сформулировал крайне резкие суждения о метафизике: «Что же касается до наиболее общих метафизических идей, каковы идеи Бога, бессмертного духа, свободы воли, то они – лишь субъективные попытки объединения или синтеза всех явления опыта и поэтому... не имеют никакого теоретического значения и не могут быть признаны законными» [8, с. IX]².

В отличие от теоретиков классического позитивизма Грот стремился обозначить нравственное измерение мира и человека. При этом он исходил из метафизической идеи, согласно которой жизнь Вселенной и история человечества подчинены нравственным целям и выражаются в освобождении силы духа. Последнее имеет свою нравственную сторону – это есть добро, тогда как зло, которое философ отождествлял с эгоизмом, рассматривалось им как «торжество материального над идеальным, пассивного над активным» [5, с. 90]. Соперничество двух начал порождает нравственный долг, заключающийся в том, чтобы способствовать освобождению силы духа в его высшем синтезе. Именно эта практическая деятельность на стороне одной из сил создает

² Биограф Н. Я. Грота П. П. Соколов писал: «К метафизике он относится безусловно отрицательно, считает ее источником всех научных заблуждений человеческого ума» [2, с. LXXII].

ситуацию для выявления ценности жизни. Люди, испытывающие разочарование вследствие «медленности и трудности этого процесса», впадают в пессимизм. Поэтому, как ему представлялось, пессимизм не имеет глубоких онтологических оснований, он есть не более чем индивидуальное психологическое умонастроение, почему «объективное обоснование пессимизма невозможно» [там же, с. 91]. Соответственно, оптимизм как умонастроение возникает в результате осознания успешности подчинения духом материи в высшем синтезе. Ценность жизни при таком приближении оказывалась зависящей от чисто психологических оснований. Универсальным методом для Н. Я. Грота являлась «натуралистическая психология». Он утверждал, что, как конкретная наука, она дает исчерпывающие знания о человеке. Поэтому он полагал, что философия «как особая наука о мире в его целом не только не нужна, но и невозможна, как с теоретической, так и с практической точки зрения» [9, с. 10].

Монодуализм Н. Я. Грот проецировал на человека, двойственная природа которого предполагает наличие животного, эгоистического начала и человеческого, разумного. По природе, человек стремится к приятным ощущениям и чувствам. Так происходит потому, что в переживании наслаждений люди усматривают счастье. Но так как природа человека двойственна, то его мысли и воля стремятся к идеалам, а чувства – к наслаждениям. Физическая, или животная жизнь человека эгоистична, враждебна его нравственной деятельности, которая направлена на обуздание чувственных наслаждений. Обе эти формы счастья несовместимы, поэтому переживание и осмысление этого конфликта вызывают страдания. Грот считал, что основанием нравственной деятельности является стремление к духовному блаженству [10, с. 154]. Фундамент нравственности он усматривал в разуме и воле, отвергая тем самым веру в Бога [11, с. 73]. Ценность жизни для него в таком случае определялась уровнем нравственного сознания, а благо он понимал как «отрешение от своей животной обособленности, в сознании себя звеном и воплощением общего, целого, вечного» [10, с. 157]. Последняя фраза была скорее всего данью метафизической традиции в русской философии, чем выражала его философскую позицию.

Отвергая метафизику, Н. Я. Грот в то же время стремился решить метафизическую задачу: пытался понять, насколько научны оптимизм и пессимизм. Для русской философской мысли этот вопрос был далеко не праздным. Во второй половине XIX в. им занималась западноевропейская философия, так как европейская мысль в течение длительного времени стремилась придать научный статус самым разнообразным проявлениям человеческого духа. В рамках данных поисков некоторые европейские философы рассматривали оптимизм и пессимизм не только как умонастроения, но и как научные теории, по-своему объясняющие мир. Достаточно вспомнить напряженные искания Э. фон Гартмана, стремившегося создать теорию научного пессимизма. Подобная позиция не устраивала Н. Я. Грота; он предполагал, что основой пессимизма

является воля, которая страдательна по своей природе, отчего страдания в мире суммарно превосходят удовольствия. Переживание данной ситуации, как полагал русский философ, приводит к выводу, что «цена мира отрицательная» [12, с. 11]. Пессимизм, равно как и оптимизм, выражают душевные состояния человека, последние, в свою очередь, определяются чувствами, которые создают особое настроение. Из настроений приятных или неприятных возникают воззрения. Поэтому, как считал Грот, пессимизм и оптимизм крайне субъективны и, следовательно, не имеют отношения к науке [там же, с. 7]. Критикуя психологические идеи, рассматривавшие пессимизм и оптимизм как научные теории, Грот исходил из того, что чувства, определяющие наши пессимистические или оптимистические настроения, относительно и в то же время реальны. Реальны они потому, что человека, глубоко ощущающего свое счастье или несчастье, никто не убедит, что его состояние есть иллюзия [там же, с. 20].

В отличие от пессимистов, Грот не принял идею, согласно которой воля есть страдание. Он утверждал, что «воля не есть ни страдание, ни наслаждение...» [там же, с. 16]. Поэтому как оптимизм, так и пессимизм он относил к метафизике, не поддающейся эмпирической проверке. Таким образом, опора на психологию привела его к выводу, что ни оптимизм, ни пессимизм, как крайние оценки жизни, не являются научными доктринами, а проходят по ведомству метафизики, к которой он всегда относился с недоверием. Главный довод против научности оптимизма и пессимизма заключался в том, что суждения оптимистов и пессимистов об общем балансе удовольствий и страданий не поддаются верификации, а потому не имеют под собой научной основы [там же, с. 22]. Поскольку Грот настаивал на том, что наука отказалась от поиска сущности вещей, и пришел к выводу, что «познанию доступны только явления и их отношения» [там же, с. 27], то выявление ценности жизни представляется невозможным и даже ненужным. А потому он отверг идею, согласно которой оптимизм и пессимизм являются научными теориями, – он рассматривал их как психологические настроения, которые следует рассматривать как значимые индикаторы оценки жизни [там же, с. 26–27].

Для объяснения поведения человека Грот использовал понятие «мировая воля к жизни», которую он понимал как творческую силу, враждебную эгоизму [13, с. 159]. Мировая воля стремится «к бесконечной полноте и совершенству своих жизненных воплощений...» [там же, с. 160]. Она есть основа нравственной деятельности, потому что опора на нее повышает ценность жизни. Сама же воля представляет собой «стремление к одухотворению мира, к духовному его совершенствованию» [там же, с. 163]. Грот считал, что мировая воля «заложена» в природу всех живых существ, но полного развития она достигает только в человеке, проявляясь в нравственной деятельности. Таким образом, философ пришел к идее автономности морали, основанной, однако, не на разуме, а на мировой воле, которая, в отличие от мировой воли А. Шопенгауэра, обладала свойствами разумности и добра.

В самом начале 90-х гг. XIX в., пытаясь создать синтез метафизики и позитивизма, Грот перешел к утверждению, что метафизика играет основную роль в философии, так как является нормативным знанием. Исходным для него стал тезис, согласно которому цель знания – «дать человеку строго обоснованные, одинаково достоверные и обязательные принципы разумной деятельности» [14, с. 110]. Он полагал, что результатом познания будут универсальные положения, основанные исключительно на разуме. При этом он осознавал те ограничения, которые накладывает опыт на результаты познания, и понимал, что из опыта не могут быть извлечены «всеобщие и необходимые истины», поскольку они сами лежат в основе всякого опыта [там же, с. 118].

Что же в таком случае есть метафизика? Грот считал, что О. Конт отрицал ложную метафизику как учение о первоначалах бытия, а истинная метафизика, путь к которой прокладывает разум, является «наукою о понятиях человеческого разума как основах всякого достоверного познания и опыта» [там же, с. 115–116]. Эта новая метафизика, в представлении Грота, являлась нормативным знанием, без и вне которого и опыт и познание теряют всякий смысл. Эта новая метафизика «всегда содержала в себе истины, которые имели притязание не только констатировать *факты* действительности, но и определять абсолютно-обязательные для внешней и внутренней действительности нормы бытия и действия...» [там же, с. 122].

«Мы все, – писал Н. Я. Грот в 1893 г., – ищем, жаждем новых идеалов, мы все – более или менее – больны скептицизмом, все полны отвращения к существующему нравственному порядку, все чувствуем, что на свете совершается что-то неладное, странное, болезненное, не могущее быть долго терпимым» [15, с. 131]. Эти слова – очевидная констатация потери жизнью своей ценности. Итогом размышлений философа была мысль, что поиск ценности жизни лежит на пути примирения христианского и языческого начал, что ценность жизни определяется компромиссом между христианством и пантеизмом [там же, с. 153–154]. Но как может произойти подобное примирение? Христианство всегда противостояло язычеству, и невозможно представить, что однажды состоится синтез этих двух взаимоисключающих начал.

Словно не соглашаясь сам с собой, Н. Я. Грот в качестве примера языческого понимания ценности жизни, несовместимого с христианством, привел идеи Ф. Ницше и Л. Толстого, ставшие властителями умов в России конца XIX в. Ницше, отвергнув христианство, стремился освободить человека от нравственной ответственности и утвердить отрицательную ценность жизни. Толстой отрицал метафизику христианства, полагая вслед за Руссо, что, если человек по природе добр, то христианство ему не требуется. Оптимизм русского писателя вполне совпадал с утверждением, что «цели и смысл жизни следует искать не в трансцендентной задаче искупления души от греха, а прежде всего в лучшем устройстве здешней жизни человечества» [там же, с. 138].

В понимании жизни Н. Я. Грот исходил не из христианского идеала, но и не из языческого, а из некоего срединного, который трудно себе

представить, так как язычество и христианство, или, в иных терминах, теизм и пантеизм, в фундаментальном смысле несовместимы. Причем стремление к компромиссу заключается в том, что философ предпочитал пантеизм христианству, пытаясь использовать метафизику как надстройку над языческим базисом.

Одна из поздних работ Н. Я. Грота – «Устой нравственной жизни и деятельности» – опиралась на известную идею автономности морали. Он утверждал, что основания нравственного поведения находятся в самом человеке, поэтому укрепление нравственности лежит исключительно на пути применения разума. Именно разум есть основа жизни, которая в таком случае равна применению разума с целью укрепления нравственности. Грот был убежден во всеилии разума, от применения которого зависит ценность жизни. Только разум в состоянии парализовать негативное влияние прогресса, только разум в виде разумных идеалов и критериев нравственной жизни следует противопоставить нравственной деградации [13, с. 147]. Прогресс он рассматривал как препятствие, которое, как полагал философ, заглушает нравственный инстинкт, направляя человека на путь наслаждений [там же].

Один из первых исследователей творчества московского философа П. П. Соколов писал, что, по мнению Н. Я. Грота, «целью прогресса является увеличение нравственной ценности жизни на земле, а ближайшим средством для этой цели служит рост сознания и самосознания во вселенной, для которых только и может быть понятна эта ценность» [2, с. ХСV]. Однако росту самосознания и связанному с ним повышению уровня морали противостоит эвдемонизм, питаемый прогрессом, – неизбежное стремление человека к счастью, выражением чего является эгоизм. Последний, как справедливо полагал Грот, приводит к снижению ценности жизни [13, с. 149]. Отмечая ограниченность эвдемонистической морали, философ искал иную, высшую мораль. Конечно, долго искать ее не пришлось. «Полный кодекс этой высшей морали, – писал он, – ныне вновь распятой западным эвдемонизмом, дал Христос» [там же]. Грот полагал, что невозможно придать жизни ценность, если придерживаться эвдемонизма или утилитаризма. Поэтому он предлагал обратиться к христианству, правда, лишенному религиозно-мистической основы [там же, с. 151]. Стремление очистить христианство от мистики и представить его в виде одного из нравственных учений было характерно для рубежа веков. Подобную позицию занимал Л. Толстой, стремившийся создать христианство без таинств и ритуалов. Исходя из принятых им посылок, Н. Я. Грот не мог решить вопроса о целях нравственной деятельности. Он полагал, что вопрос этот, как и вопрос «о конечных целях мирового процесса, может быть разрешен только гадательно» [там же, с. 167]³. Все эти довольно редкие изгибы философской мысли по сей день привлекают внимание исследователей жизни и творчества Н. Я. Грота [16–18].

³ Христианство дает вполне понятные ответы на эти вопросы, увязывая «мировой процесс» с необходимостью нравственного изменения человека.

Стремление к соединению несоединимого, лавирование между разумом и волей, не свойственный для позитивизма скепсис по отношению к идее прогресса и апелляция к христианству в результате осознания невозможности получить «высший синтез» – всё это породило неопределенность позиции Грота в вопросе о ценности и жизни. Теоретическое «поражение» философа было предопределено, в частности, тем, что основную роль он отводил разуму, о чем критики позитивизма писали достаточно часто и убедительно. Философские искания Грота выражались в попытке выйти за пределы имманентного подхода. Его интерес к метафизике объясняется тем, что философ осознавал философскую недостаточность и нравственную ущербность имманентного подхода, но выйти за его пределы не мог. Источником подобной позиции был крайний субъективизм – позиция, которую занял Н. Я. Грот, пытаясь синтезировать позитивизм и метафизику. Практически она выражалась в признании основанной на физиологии и психологии единственным средством обоснования ценности жизни.

Литература

1. *Шенрок В. И.* Н. Я. Грот. Биографический очерк / В. И. Шенрок // Грот Н. Я. *Философия и ее общие задачи.* – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. – С. IX–LXVI.
2. *Соколов П. П.* Философские взгляды и научная деятельность Н. Я. Грота / П. П. Соколов // Грот Н. Я. *Философия и ее общие задачи.* – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. – С. LXVII–CIV.
3. *Грот Н. Я.* Джордано Бруно и пантеизм / Н. Я. Грот. – Одесса : Тип. «Одесского вестника», 1885. – II, 86 с.
4. *Зеньковский В. В.* История русской философии / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. II, ч. 2. – 268 с.
5. *Грот Н. Я.* О душе в связи с современным учением о силе / Н. Я. Грот. – Одесса : Тип. «Одесского вестника», 1886. – IV, 92 с.
6. *Грот Н. Я.* Письмо в редакцию / Н. Я. Грот // *Вестник Европы.* – 1880. – № 12. – С. 839–868.
7. *Соловьев В. С.* Три характеристики. М. М. Троицкий. – Н. Я. Грот. – П. Д. Юркевич / В. С. Соловьев // *Соловьев В. С. Собр. соч.* – 2-е изд. – Т. IX. – СПб. : Просвещение, 1913. – С. 380–397.
8. *Грот Н. Я.* Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности / Н. Я. Грот. – Одесса : Тип. «Одесского вестника», 1886. – XVI, 106 с.
9. *Грот Н. Я.* «Философские этюды» (А. А. Козлова) / Н. Я. Грот / Грот Н. Я. *Философия и ее общие задачи.* – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. – С. 1–27.
10. *Грот Н. Я.* Основания нравственного долга / Н. Я. Грот // *Вопросы философии и психологии.* – 1892. – Кн. 12. – С. 146–164.
11. *Грот Н. Я.* Основания нравственного долга / Н. Я. Грот // *Вопросы философии и психологии.* – 1892. – Кн. 15. – С. 71–114.
12. *Грот Н. Я.* О научном значении пессимизма и оптимизма как мировоззрения / Н. Я. Грот. – Одесса : Тип. П. А. Зеленого, 1884. – 28 с.

13. Грот Н. Я. Устой нравственной жизни и деятельности / Н. Я. Грот // Вопросы философии и психологии. – 1895. – Кн. 27. – С. 145–168.
14. Грот Н. Я. Что такое метафизика / Н. Я. Грот // Вопросы философии и психологии. – 1890. – Кн. 2. – С. 107–128.
15. Грот Н. Я. Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой / Н. Я. Грот // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Кн. 16. – С. 129–154.
16. Павлов А. Т. Н. Я. Грот в Московском университете / А. Т. Павлов // Вестник Моск. гос. ун-та, Сер. 7, Философия. – М., 2009. – № 5. – С. 99–112.
17. Васильева Л. В. Основные историко-философские аспекты творчества Н. Я. Грота / Л. В. Васильева, С. Н. Клименченко // Мысль : философские исследования. – Мурманск, 2010. – Вып. 1. – С. 23–29.
18. Емельянов Б. В. Русский позитивизм XIX в. / Б. В. Емельянов // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. – Екатеринбург, 2010. – № 2. – С. 163–177.

Воронежский государственный университет

Колмаков В. Б., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 252-56-63

Voronezh State University

Kolmakov V. B., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 252-56-63